

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

В.И. Молчанов

МЕТАФИЗИКА НИЧТО И ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ: ХАЙДЕГГЕР, КАНТ, КАРНАП*

Молчанов Виктор Игоревич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: victor.molchanov@gmail.com

В статье впервые рассматриваются языковые средства и, прежде всего, знаки препинания, используемые М. Хайдеггером при превращении слова «ничто» в основной термин и понятие метафизики. В работе «Что такое метафизика?» выделяются три этапа этих преобразований; основную роль на первых двух из них играет перестановка тире в устойчивых немецких выражениях, на последнем – замена прямого значения слова на переносный. Критически анализируется хайдеггеровский тезис о первичности Ничто по отношению к отрицанию. Предметом исследования становится также способ введения понятия Ничто у Канта и кантовская таблица Ничто. Проводится сравнение стратегий Канта и Хайдеггера при образовании псевдопонятия Ничто. Критика философии Хайдеггера у Карнапа рассматривается как частично независимая от его критики метафизики в целом.

Ключевые слова: Ничто, отрицание, метафизика, тире, кавычки, язык, Хайдеггер, Кант, Карнап

Для цитирования: Молчанов В.И. Метафизика Ничто и знаки препинания: Хайдеггер, Кант, Карнап // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 3. С. 5–22.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20–011–00842 «Формирование и трансформация концепций в феноменологической философии. История терминов и дискуссий».

Всякое незначительное слово имеет, так сказать, свое таинственное... недоумение...

А.П. Чехов (Свадьба с генералом)

Но сходство двух систем небытия сильнее, чем двух форм существования.

Иосиф Бродский

Введение

Различие терминов, концепций и проблем – исходный методологический принцип, реализуемый в данной статье. Способ введения терминов рассматривается в статье в качестве одной из важнейших тем при исследовании философских текстов. Введение «Ничто» как термина (или образа) в работах Хайдеггера и в «Критике чистого разума» Канта рассматривается с точки зрения конкретных языковых средств, используемых немецкими философами. В исследовательской литературе уже обращали внимание на роль кавычек в текстах Хайдеггера¹, но при этом изучалась роль этого знака препинания для выражения смысла. Перед нами другая задача – показать роль тире, кавычек и других языковых средств при введении термина Ничто, а также прояснить функцию отрицания в негативной метафизике Хайдеггера. Такое исследование не предусматривает ни «аванса благоговейности»², ни погружения в глубокомысленные рассуждения 1935 г. о метафизичности немецкого народа, ни попытки ответить на вопрос: «Слово “бытие” – это просто слово, и его значение туманно, или это духовная судьба Европы?»³.

Нас интересует теперь другое слово – «ничто»⁴, значение которого также кажется туманным, тем более что, если верить Гегелю, бытие и ничто – это одно и то же. Может ли это слово претендовать на статус термина? Что оно обозначало бы в таком случае – ничто или нечто? Каким образом и с помощью каких средств отрицательное местоимение «ничто» приобретает имя и пытается захватить трон царицы наук – метафизики? Оказывается, что для этого не нужно больше ничего, кроме этого «больше ничего», или «ничего больше», а также одного знака препинания, а именно – тире⁵. Именно благодаря этим подручным средствам являет себя безосновная метафизическая бездна.

Последнее крупное Ничто появилось в разгар Второй мировой войны, в 1943 г., в оккупированном Париже, вне академической жизни⁶. Здесь сразу

¹ См.: *Fritsche J.* Historical Destiny and National Socialism in Heidegger's Being and Time. Berkley; Los Angeles, 1999; *Esparza Daniel R.* «Heidegger»: quotation marks in Sein und Zeit. URL: www.academia.edu/12650204/_Heidegger_quotation_marks_in_Sein_und_Zeit (дата обращения: 21.02.2020) (статья носит обзорный характер).

² См.: *Бибахин В.В.* Вместо предисловия // *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? М., 2013. С. 5.

³ *Heidegger M.* Einführung in die Metaphysik. GA Bd. 40. Frankfurt a/M., 1983. S. 40. (Ср.: *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб., 1998. С. 119.)

⁴ «Ничто» также не обходят вниманием исследователи. См.: *Ziarek K.* Event and Nothingness // *Kronos. Philosophical Journal.* 2017. Vol. VII. P. 38–47; *Nowak P.* Nothingness and Absence // *Ibid.* P. 48–58. Мы вернемся далее к первой статье, так как ее предмет – язык Хайдеггера.

⁵ Тире начинает привлекать внимание исследователей. См.: *Comay R., Ruda F.* The Dash – The Other Side of Absolute Knowing. Cambridge (MA), 2018.

⁶ *Sartre J.-P.* L'être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique. Paris, 1943.

же обнаружилось существенное различие между французской и немецкой мыслью: Ничто французское имеет свое происхождение в Бытии, а немецкое, напротив, «вне мира» и открывает Бытие. Немецкое, предпоследнее большое Ничто (явно источник французского, как это зачастую происходит с философскими терминами и понятиями) стало достоянием общественности хотя и не в военное, но также достаточно неспокойное, «отрицательное» время, в 1925 г. в Марбурге, и достигло своей кульминации в 1929 г. во время инаугурационной лекции философа по поводу занятия места профессора Фрайбургского университета. Четыре года понадобилось Хайдеггеру для того, чтобы установить связь между Ничто и метафизикой. В марбургских лекциях Ничто лишь открывается благодаря беспричинному страху, в «Бытии и времени» (1927) к нему добавляется «Нигде»: «В том, перед чем страх, становится явным: “это Ничто и нигде”»⁷; в лекции «Что такое метафизика?» (1929) такая связь уже установлена: «Наше вопрошание о Ничто должно показать нам метафизику как таковую»⁸. «Ничто» можно обнаружить и в других, более поздних произведениях Хайдеггера, но нас интересует здесь только первое его появление в метафизике.

Оба философа пишут краткую историю Ничто: Хайдеггер включает в эту историю «античную метафизику» (*ex nihilo nihil fit*), христианскую догматику (*ex nihilo fit – ens creatum*) и Гегеля, отождествлявшего чистое бытие и чистое ничто. Сартр включает в свою историю Гегеля, Хайдеггера и самого себя.

При этом оба философа забывают о Канте и его таблице Ничто, как забывают о кантовском Ничто критики Хайдеггера и почитатели Канта К. Поппер⁹ и Р. Карнап¹⁰, предпочитающие видеть в Хайдеггере только ученика Гегеля.

Быть может, сам Хайдеггер никогда и не забывал о кантовской таблице?

1. Ничто и отрицание

Истоки отрицания – реальная философская проблема. Теории отражения и подражания, как и теории улавливания мира в сети категорий, терпят здесь крах. Что отражается и что улавливается, когда отрицают? Теории деятельности, усматривающие ее суть и исток в противоречии, не объясняют решений о прекращении того или иного вида деятельности, как и деятельности вообще. Они не в состоянии встроить в противоречие возможность дистанцирования от него. Тем не менее не только определенная деятельность, но и деятельность как таковая, а вместе с ней и жизнь может быть отвергнута.

⁷ Heidegger M. *Sein und Zeit*. GA Bd. 2. Frankfurt a/M., 1977. S. 248. (Ср.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 186.)

⁸ Heidegger M. *Was ist Metaphysik?* // Heidegger M. *Wegmarken*. GA Bd. 9. Frankfurt a/M., 1996. S. 118. (Ср.: Хайдеггер М. Что такое метафизика? М., 2013. С. 38.)

⁹ «М. Хайдеггер добился славы, возродив гегелевскую *Философию ничто*» (Поппер К. *Открытое общество и его враги*. Т. 2. М., 1992. С. 93).

¹⁰ Карнап полагает, что Хайдеггер «вместе с многими особенностями гегелевского языка (*Sprachform*) перенял и некоторые логические дефекты» (Carnap R. *Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache* // *Erkenntnis*. 1931. No. 2. S. 235). В русском переводе смысл этого утверждения существенно искажен: якобы Хайдеггер «со многими особенностями гегелевской философии перенял также некоторые ее недостатки» (Карнап Р. *Преодоление метафизики логическим анализом языка* // *Аналитическая философия: становление и развитие (антология)*. М., 1998. С. 84).

Проблема отрицания у Хайдеггера – это проблема соотношения формально-логического отрицания и «жизненных» отрицаний, таких как запрет, противодействие, лишение и т.д. Однако поиски истоков отрицания связаны у Хайдеггера скорее со словотворчеством, с морфологической «игрой в Ничто». Отрицание, полагает, Хайдеггер, свидетельствует, причем убедительно, о проявлении (Offenbarkeit), хотя и искаженном, Ничто в нашем вот-здесь-бытии (Dasein). Однако «Не» (das Nicht) – это не результат и не средство отрицания, которое противопоставляется данному (например, не белое – белому): «“Не” возникает не посредством отрицания, но отрицание основывается на “Не”, которое возникает из Ничтоывования¹¹ Ничто. Отрицание – это также только модус ничтоывующего поведения (Verhalten), т.е. уже заранее основанного на ничтоывовании Ничто»¹².

Итак, «Не» первичней, чем отрицание, «Не» проистекает из Ничто. Доказательство следующее: отрицание может отрицать только тогда, когда ему преддано нечто отрицаемое (ein Verneinbares). Усмотреть «Не» в отрицаемом, а в том, что должно быть подвергнуто отрицанию (Zu-verneinendes), «нечто нейное¹³» (ein Nichthaftes) можно потому, что любое мышление как таковое уже пред-видит «Не».

Если Хайдеггер хочет сказать, что любое суждение как выражение мысли уже предполагает, кроме утверждения, также и возможное отрицание, а любой возможный проект – запрет или отказ, то такой тезис не требует «непрестанно ничтоывующего Ничто», как и прочих слов и словечек, которые призваны поколебать не меньше, чем логику: «Сама идея “логики” растворяется в вихре первичного вопрошания»¹⁴.

В текстах Хайдеггера, что бы он ни писал о «Ничто» и «нейности», вряд ли можно ощутить это «непрестанное ничтоывование Ничто», да и логика не исчезает в каком-либо вихре. Когда Хайдеггер подводит под Ничто различные виды отвергающего или отвергнутого поведения, он осуществляет самое обыкновенное подведение видов под род: Ничто как отказ, запрет, отвращение, утрата. Хайдеггер полагает, что эти виды опыта «сильнее», чем простое отрицание: «Безмерно глубже, чем простая соразмерность мысленного отрицания жесткость противодействия и острота отвращения, больше ответственности несет в себе боль от неудачи (Schmerz des Versagens¹⁵) и безжалостность запрета. Тяжелее – острота лишения»¹⁶. Можно ли сравнивать, однако, операцию формально-логического отрицания с решениями запрета, с поведением противодействия, с отвращением и т.д.? Конечно, у многих людей математические формулы без всякого отрицания

¹¹ Перевод das Nichts nichtet как «ничто ничтоывает» – мой посильный вклад в ответственное хайдеггероведение. «Ничтожение», как это обычно переводят, все же близко к «уничтожению», а Хайдеггер и Сартр с его неантизацией вовсе не хотят кого-то или что-то уничтожить, разве что поставить под вопрос здравый смысл.

¹² Heidegger M. Was ist Metaphysik? S. 116–117. (Ср.: Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 37.)

¹³ Еще один мой вклад в перевод непереводаемого.

¹⁴ Ibid. S. 117.

¹⁵ Вряд ли можно перевести указанное словосочетание как «мука несостоятельности» – можно переживать свою несостоятельность, но быть безответственным. Трудно также сказать, почему у В.В. Библихина вместо «остроты отвращения» (die Schärfe des Abscheuens) «режущая острота презрения». Все же отвращение и презрение – разные слова, и они обозначают разное (Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 37).

¹⁶ Heidegger M. Was ist Metaphysik? S. 117.

вызывают если не отвращение, то страх, хотя и не метафизический. Здесь пугают не аргументы, но неумение их понять. Намеренно ли Хайдеггер совершает здесь категориальную ошибку или нет, сравнивая не-А и, например, «безжалостность запрета» «по силе», саму ошибку это не отменяет.

Теперь проверим «на практике», т.е. на тексте Хайдеггера, природу отрицания: что же первично – отрицание или «Не», возникающее из «Ничто»? Для этого нам послужит фраза: «Das Man – это не Ничто, но и не вещь в мире, которую я могу видеть, хватать, взвешивать»¹⁷. Ясно, что отрицание «применяет» здесь «Не» к «Ничто», но не «Ничто выделяет из себя «Не», чтобы применить к самому себе.

Начало, все отрицающее (и иногда творящее добро), – литературный вымысел, но усталость от абстрактной философии – реальность. Реальным искушением оказывается при этом стремление представить наделенную устрашающим именем абстракцию реальной силой. Точно так же обстоит дело с *Unheimlichkeit*. Если Фрейд, у которого, вероятно, позаимствован этот термин, исследует конкретные причины жуткого, или зловещего (сообщающего о зле, т.е. угрожающего), то Хайдеггер относит все конкретное к боязни, а не к страху. Как и Ничто, жуткое, или, если угодно, «не-по-себе», является абстракцией, которая выдается за некий экстраординарный опыт, или некое, уже не мирское состояние. В то же время набор якобы более сильных, чем логическое отрицание, состояний вполне укладывается в мирские связи и отношения, а лежащее в их основе Ничто – это скорее нечто мирское, чем метафизическое.

2. Ничто и тире

В работе «Что такое метафизика?» переход к метафизическому Ничто осуществляется в три этапа; на первом этапе Хайдеггер формулирует приемлемые для здравого смысла и не отягощенные какими-либо недомолвками тезисы, используя устойчивые немецкие выражения, в которые входит местоимение *nichts*; на втором этапе эти стандартные немецкие выражения деформируются с помощью перестановки тире, а на третьем этапе выделенное при этом местоимение *nichts* («ничто») превращается в существительное с помощью заглавной буквы и определенного артикля – *das Nichts* (Ничто). Язык высокого стиля делает практически незаметными такие простейшие «структуралистские» преобразования. Русский язык, однако, далеко не всегда позволяет следовать буквально за этими трансформациями.

Исходный этап перехода к Ничто в переводе В.В. Библихина выглядит так: «То, на что направлено наше мироотношение, есть само сущее – и больше ничто. То, чем руководствуется вся наша установка, есть само сущее – и кроме него ничто. То, с чем работает вторгающееся в мир исследование, есть само сущее – и сверх того ничто»¹⁸. Этот перевод является калькой с немецкого, и это отчасти оправдано, так как иллюстрирует хайдеггеровский замысел – выделить отрицательное местоимение «ничто» простым его повторением в разных синонимических выражениях. Но русский язык не позволяет (и это большая удача для анализа) перейти к Ничто и его

¹⁷ Heidegger M. *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*. GA Bd. 20. Frankfurt a/M., 1994. S. 341. (Ср.: Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 261.)

¹⁸ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 26.

метафизике чисто языковыми средствами. Там, где у переводчика тройное «ничто», должно быть, соответственно, если это должно быть на русском языке: «и больше ничего», «и ничего больше» и «ничего сверх этого». Однако это «ничего» разрушило бы эстетизм немецкой метафизики.

У Хайдеггера, конечно, тройное nichts: «das Seiende selbst – und sonst nichts; das Seiende selbst – und weiter nichts; das Seiende selbst – und darüber hinaus nichts»¹⁹. Все три выражения синонимичны, и во всех трех случаях nichts употребляется как отрицательное местоимение в составе устойчивых выражений. Все три тезиса Хайдеггера недвусмысленно говорят об одном: кроме сущего, исследование больше ничем не занимается. Однако в приведенном переводе мы имеем дело не только с калькой, но и попыткой (сознательной или бессознательной) внести в слова Хайдеггера двойной смысл уже на первом этапе. В первом тезисе это не так заметно, как во втором и третьем: слова «само сущее – и кроме него ничто», можно понять и так: кроме сущего, исследование занимается еще и ничто, а слова «само сущее – и сверх того ничто» можно понять, соответственно, так, что сверх сущего нас занимает еще и ничто. Если бы переводчик переставил слова: сущее – и ничто кроме него, тогда это выражение имело бы однозначный смысл, однако выбранный порядок слов и замена русского слова «ничего» на кальку с немецкого – «ничто», придает выражению оттенок смысла, который сам Хайдеггер вовсе не намеревался ему придать. Нельзя все же недооценивать «крестьянскую хитрецу» «провинциала»: Хайдеггер вносит двусмысленность в свой текст не сразу, но только после этих очевидно осмысленных и четких тезисов. Осуществляется это с помощью переноса тире в следующем абзаце. Теперь, вместо «das Seiende selbst – und sonst nichts», мы читаем: «nur das Seiende und sonst – nichts»; вместо «das Seiende selbst – und weiter nichts», мы читаем: «das Seiende allein und weiter – nichts»; вместо das Seiende selbst – und darüber hinaus nichts, мы читаем: das Seiende einzig und darüber hinaus – nichts. Перестановка тире буквально разламывает устойчивые немецкие выражения sonst nichts и weiter nichts, означающие «больше ничего», уже явно выделяя это самое nichts и подготавливая его к роли Ничто с большой буквы.

Если принять хайдеггеровскую игру, подготавливающую превращение местоимения в имя при сохранении функции дополнения (в грамматическом смысле), то тогда не остается *ничего* иного, как передать nichts калькой как «ничто» и после вмешательства тире, что и делает переводчик: «Исследованию должно подлежать только сущее и кроме того – ничто; лишь сущее, а далее – ничто; единственно сущее и сверх того – ничто»²⁰. Однако при переводе на *русский язык* кальки (и вместе с тем «ничто») можно избежать и нужно избегать: «Исследованию надлежит иметь дело только

¹⁹ Heidegger M. Was ist Metaphysik? С. 105. Вряд ли можно отнести к случайности, что последнее выражение является почти точной копией гуссерлевского в заключительном пассаже § 49 Идеи I, который носит примечательное название: «Абсолютное сознание как остаток после уничтожения мира», где Гуссерль говорит о бытии мира как бытии для сознания, о бытии как интенциональном предмете, которое «сверх этого, однако, Ничто» («darüber hinaus aber ein Nichts ist») (Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie. Buch I. Husserliana. Bd. III/1. Den Haag, 1976. S. 106). Тем самым Хайдеггер указывает: Гуссерль как приверженец научной философии говорит о Ничто, но упускает саму эту тему. («Ничто» у Гуссерля и Сартра – особая тема.)

²⁰ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 26–27.

с сущим и больше – ни с чем», или ближе к структуре хайдеггеровского выражения: «Исследуемым должно стать только сущее и больше – ничего». Таким образом, хайдеггеровский путь к метафизическому Ничто – это движение знака препинания, игра, которая становится возможной благодаря тому, что местоимение «ничто» в немецком языке не изменяет форму слова при склонении и в устойчивых выражениях. Языки, в которых форма этого местоимения изменяется при склонении, например исконно философский греческий, оказываются непригодными, чтобы пройти такой путь.

После выделения «ничто» с помощью тире Хайдеггер задает ключевой вопрос: «Как обстоит дело с этим Ничто? Случайно ли, что мы говорим именно так? Или же это только оборот речи – и больше ничего (nichts)»²¹. (Опять это упрямое русское «ничего» вклинивается в немецкую ритмическую прозу.)

Этот риторический вопрос подразумевает, что язык, как независимый от страха источник Ничто (вполне научный метод), говорит нам о существовании этого таинства: Ничто возникает из ничто! В самом деле, откуда же еще? Похоже, однако, что образец взят из мифа: задолго до всякой метафизики хитроумный Одиссей превратил местоимение в имя, и простодушный Полифем на вопрос братьев, кто же его ослепил, ответил: «Никто!» Хайдеггеровское Ничто ослепило уже многих, и на вопрос, что же здесь так привлекает и даже восхищает, они могли бы ответить: «Ничто!»

3. От Хайдеггера к Канту: условия невозможности опыта

Для введения своего Большого Ничто Кант также использовал определенный оборот речи с «ничто» и определенный знак, хотя и не препинания, но «уравнения».

В «трансцендентальной эстетике» мы читаем: «Пространство есть ничто, как только мы отбрасываем условия возможности всякого опыта и принимаем его за нечто лежащее в основе вещей в себе»²²; то же самое Кант пишет о времени: «Время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания [...] и само по себе, вне субъекта, есть ничто»²³. Самый пронзительный читатель не смог бы здесь предположить, что этот оборот речи – «есть ничто» – послужит далее основой для введения четырех видов Ничто.

Завершая «трансцендентальную аналитику», Кант вводит Ничто как принцип систематизации *невозможности* опыта. В таблице Ничто нет ничего от хайдеггеровской поэзии «светлой ночи», однако приемы введения «понятия» Ничто оказываются сходными.

Системность рассмотрения заимствуется Кантом из учения о категориях, и таблица Ничто должна стать своеобразным негативным коррелятом таблицы категорий: «Ничто как 1. Пустое понятие без предмета, *ens rationis* 2. Пустой предмет понятия, *nihil privativum* 3. Пустое созерцание без понятия, *ens imaginarium* 4. Пустой предмет без понятия, *nihil negativum*»²⁴.

²¹ Heidegger M. Was ist Metaphysik? S. 105.

²² Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979. A 28 (далее – KrV); Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 134 (далее – КчР).

²³ KrV A 35; КчР С. 139.

²⁴ KrV A 292; КчР С. 335.

Общая цель этой систематики такова: показать, что познание невозможно, если нет количественных характеристик предмета, если предмет не реален, не обладает свойствами (субстанция/акциденция) и противоречив. Иначе говоря, речь идет о тех же категориях, хотя и без одной из основных – причинности, о той же задаче, что и общая задача критики, но с обратным знаком.

Общий принцип трансцендентальной философии Кант неожиданным образом заимствует из четвертой группы категорий: «Высшее понятие, с которого обычно начинают трансцендентальную философию, есть деление на возможное и невозможное»²⁵. Кант пишет так, как будто трансцендентальная философия – дело обычное, и всем ясно, с чего ее начинать. Деление требует основания деления, и первым «разделенным» понятием у Канта выступает самое общее «понятие предмета вообще (взятое в проблематическом и нерешенном смысле: есть ли он нечто или ничто)»²⁶. И так, если раньше шла речь об условиях возможности опыта, то теперь речь пойдет об условиях его невозможности. Иначе говоря, нужно будет определить, при каких условиях предмет не существует. Сама по себе эта задача кажется абсурдной: если какой-то предмет не существует, то зачем определять условия его несуществования, т.е. условия его Ничто? Другое дело, если мы определяем причины, или условия, отсутствия предмета, предполагая при этом, что он присутствует в ином месте. Однако и первая задача не совсем абсурдна, если ее понимать в плане критики опыта: мы должны доказать небытие предмета, если отсутствуют его категориальные, или понятийные, характеристики. Задача становится совсем не абсурдной, если место абстрактного предмета занимает «конкретный» человек: человек ничто, если он не определен понятийно, или идейно. Вопрос только в том, какая инстанция будет определять понятийный строй – воображение или здравый смысл.

Если условием возможности опыта и предметов опыта является соединение чистых рассудочных понятий и форм созерцания, то условием невозможности предметов (не опыта?) является отсутствие таких соединений. Если понятию не соответствует какое-либо созерцание, то такое понятие Кант называет пустым. Об этом Кант говорит не раз, этому посвящены многие страницы «Критики чистого разума». Каковы же истинные цели этой поздней систематики? Кант пытается создать своего рода противопонятие, т.е. нечто полностью противоположное понятию предмета. Таковым становится «понятие» Ничто. Но будет ли оно вообще понятием в кантовском смысле (спонтанный синтез) или только общим названием для достаточно разнородных вещей?

Кант создает своего рода отрицательную критику: теперь уже не определенные сочетания понятий и созерцаний указывают на возможность предмета, но различные разъединения понятий и предметов, а также предметов и созерцаний, должны указать на Ничто и различные Ничто в познании. Это кантовское Ничто существенно отличается от хайдеггеровского, так как ограничено познанием, но способ введения этого псевдопонятия не отличается существенно у немецких философов.

Последуем за рассуждением Канта: «Понятиям всего, многого и одного противостоит понятие, все [это] упраздняющее (aufheben), т.е. [понятие]

²⁵ KrV A 291; KчP С. 334.

²⁶ KrV A 290; KчP С. 334.

ни одного (keines), и, таким образом, предмет понятия, которому не соответствует ни одно (keine) созерцание, которое можно было бы указать, равен Ничто (= Nichts)»²⁷.

В русских переводах на знак равенства, как правило, не обращают внимания и передают так: «предмет [...] есть ничто». Тем не менее этот знак вовсе не лишний; он указывает на то, что это не оборот естественного языка, но введение особого термина, обозначающего то, о чем не скажешь, что оно «есть то-то и то-то». Предмет (понятию которого не соответствует ни одно, или никакое, созерцание), не *есть* ничто, как будто ничто – это свойство предмета, но такой предмет *равен* ничто; предмет и ничто – это одно и то же²⁸. Теперь уже немецкий язык сопротивляется введению Ничто языковыми средствами: «ни один предмет» (kein) приравнивается к «ничто» с помощью «ни одного созерцания» (kein). «Ни одно созерцание», или «никакое созерцание», также равно Ничто, и, таким образом, равенство предмета пустого понятия с Ничто обосновывается также с помощью Ничто. Иначе говоря, Ничто обосновывает Ничто – с этой фигурой, хотя и в другой «проекции», мы уже встречались у Хайдеггера.

Еще одно сходство между философами состоит в использовании знака, в данном случае не знака препинания, но математического знака для введения не математического термина. Если бы Кант, опираясь на категорию количества, приравнял предмет понятия без созерцания к нулю, то он не смог бы выйти за пределы категории количества, так как нуль – это целое число. В этом плане, перевод keines как «никакой» был бы ближе к тому смыслу, который хотел выразить Кант: «Никакой» – это не нуль, но Ничто, которое вне количества.

С категорией качества дело обстоит проще: «Реальность есть нечто, отрицание (Negation) есть ничто, а именно понятие о нехватке предмета, как-то тень, холод (nihil privativum)»²⁹. Видимо, здесь неявная отсылка к «Опыту введения в философию отрицательных величин», где Кант дает ряд таких замечательных определений, как: «Мы, следуя методу математиков, нисхождение будем называть отрицательным восхождением, падение – отрицательным подъемом, возвращение назад – отрицательным движением вперед»³⁰. Применяя эти замечательные открытия к психологии, немецкий мыслитель задается вопросом, «есть ли неудовольствие лишь отсутствие удовольствия», определяя положительное неудовольствие матери спартамца, которой сообщили, что ее сын храбро сражался, защищая отечество, и погиб при этом. Математика этой трагедии такова: «Пусть поэтому удовольствие, вызванное сообщением о проявленной им храбрости, равняется 4а, а то, что от этого удовольствия останется, после того как подействовало и неудовольствие, вызванное другой причиной, пусть будет равняться 3а, тогда неудовольствие равно а, и оно и есть негатив удовольствия, а именно – а, и поэтому мы имеем: 4а – а = 3а»³¹. Трудно сказать, какой специалист мог бы понадобиться, чтобы по достоинству оценить эту незамысловатую алгебру.

²⁷ KrV A 290; КчР С. 334.

²⁸ По образцу: предмет (есть) красный.

²⁹ KrV A 291; КчР С. 334.

³⁰ Кант И. Опыт введения в философию отрицательных величин // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 90.

³¹ Там же. С. 95–96.

В противопоставлении реальности как нечто и негации как ничто словечко «ничто», которое только что характеризовало антиколичество как полное отсутствие количества, обнаруживает себя как понятие недостатка (Mangel). Именно негация обнаруживает Ничто, так что Кант не согласился бы здесь с Хайдеггером. Кроме того, разве Ничто категории количества не образовалось также благодаря негации, которую Кант назвал противопоставлением всему, многому и одному? Разве *aufheben* – слово, которое Кант употребляет при введении «никакого», не негация? Правда, негация реальности оказалась «слабее», чем негация количества. Тень и холод – это все же не абсолютное небытие, а только недостаток света и тепла. Ясно, что Кант мыслит здесь как физик, не принимая в расчет потребность человека в реальности тени и прохлады. Здесь Хайдеггер прав – наука явно не думает о человеке.

Теперь от Ничто как пустого понятия без предмета (без количества) и Ничто как пустого предмета понятия (без реальности) мы переходим к самому загадочному Ничто – к пустому созерцанию без предмета: «Одна лишь форма созерцания без субстанции сама по себе есть не предмет, а только формальное условие предмета (как явления), как чистое пространство и чистое время (*ens imaginarium*), которые, хотя суть Нечто, как формы, предназначенные чтобы созерцать (*Formen anzuschauen*), но сами они не созерцаемые предметы»³². Здесь Кант проявляет колебание: формы созерцания суть Нечто, но в таблице – они представлены как виды Ничто. В самом деле, колебание вполне обоснованное: вне субъекта пространство и время – ничто; как формы созерцания «в» субъекте – они Нечто, это Нечто, однако, не есть предмет, который можно созерцать, это воображаемые вещи, по крайней мере, время. Воображаемая форма – это нечто недействительное, т.е. вид ничто, как это и обозначено в таблице под номером три. (Мы не рассматриваем здесь четвертый пункт таблицы.)

Кант неслучайно поместил таблицу после всех понятийно-предметных негаций. В этой таблице не было бы необходимости, если бы не потребность обобщения Ничто, или введения одного Ничто на всех – обобщения мнимого, напоминающего известную «китайскую энциклопедию», где под одну рубрику подводятся понятия о не количественно определенных (или неопределенных?) предметах, предметы, дополняющие реальность (тьень, холод), пустые формы созерцания и противоречивые предметы. Собственно говоря, хайдеггеровское перечисление «более сильных» отрицаний – это такая же «китайщина», особенно если учесть, что запрет, противоборство, чувство отвращения и т.д. могут иметь отношение к самым разным предметам и ситуациям.

В «Критике чистого разума» основные термины не только получают новый смысл (например, «трансцендентальный», «трансцендентный», «априори» и т.д.), но и выполняют другие функции, чем традиционная философская терминология. Они перестают быть пограничным вехами различных видов опыта и становятся знаками, отсылающими не термин к опыту (опыт

³² KrV A 291; ср. КчР С. 335. (Здесь перевод уточнен еще и в том отношении, что *ens imaginarium* стоит в немецком тексте после «времени», а не в конце предложения, как это перешло из перевода Н.О. Лосского во все дальнейшие отредактированные издания. Неразрывная связь воображения и времени – одна из важнейших тем Канта и хайдеггеровской интерпретации Канта; может быть, главное Ничто – это время?)

производится, по Канту, рассудком!), но термин к термину. «Чувственность» отсылает у Канта не к чувственному опыту, хотя название остается прежним, но к формам, принципиально нечувственным, – к пространству и времени как гносеологическим вместилищам предметов. «Рассудок» отсылает не к способности судить, хотя название остается прежним, но к иррациональной силе воображения, которая соединяет уже препарированную пустую чувственность со слепыми синтезами. Только мнимое, т.е. негативное воображение (= ничто), могло бы соединить слепое с пустым. Негативная критика, цель которой – показать условия невозможности опыта, делает еще более явным кантовский конструктивизм. Вряд ли Ничто может что-либо объединять, даже в таблице. Вряд ли отрицание и указание на пустоту понятий и пустоту предметов может быть основой какой-либо систематики.

4. Карнап и Хайдеггер: слова и кавычки

Р. Карнап первым попытался раскрыть секрет хайдеггеровских «сфокусированных» на Ничто трансформаций на примере вопросов и ответов о дожде в своей знаменитой и уже упоминавшейся выше статье. Если задают вопрос: «что там на улице?» – и отвечают: «там дождь», то этот вопрос и этот ответ являются осмысленными; если спрашивают: «что там на улице?» – и отвечают: «ничего» (на немецком – «ничто») – в том смысле, что нет дождя, то это также приемлемо с точки зрения осмысленности. Но затем, если мы сформулируем вопрос: «как обстоит дело с этим дождем?» (в том смысле, например, сильный ли дождь, утихает ли он и т.д.), то по аналогии с этим, используя ту же грамматическую структуру, можно спросить: «как обстоит дело с этим Ничто?». Далее, утверждению «нам известно о дожде» (буквально: «мы знаем дождь») соответствуют такие утверждения, как: «мы ищем Ничто», «мы находим Ничто», «мы знаем Ничто». Наконец, утверждению «дождь дождит» соответствует «Ничто ничтоиствует». Секрет заключается в том, что для выражения прямого и переносного смысла используется одна и та же грамматическая структура. Во-первых, слово «ничто» (nichts) как отрицательное местоимение, которое в обычном языке обычно используется для формулировки отрицательного утверждения существования, выступает теперь в роли имени объекта. Во-вторых, образуется бессмысленное слово «ничтоиствовать» (nichten), и предложение, полагает Карнап, является вдвойне бессмысленным. Кроме того, предложение «существует Ничто (Es gibt das Nichts) только потому...» содержит в себе еще и противоречие: по определению Ничто не существует, но ему приписывается существование³⁵. Насколько прав Карнап в своей критике?

Карнап отмечает, что не имеющие смысла слова в метафизике возникают обычно потому, что слово, имеющее значение, теряет его из-за метафорического употребления. Однако в случае Хайдеггера, указывает Карнап, мы имеем редкий случай, когда вводится новое слово, которое уже лишено смысла. Это замечание Карнапа трудно переоценить. Оно имеет значение и за пределами данного контекста. Фактически, оно указывает на изменение значения термина «метафизика» у Хайдеггера посредством введения бессмысленных с точки зрения прежней метафизики, а также естественного

³⁵ См.: Carnap R. Op. cit. S. 229–231.

языка слов. Не пытается ли Хайдеггер вообще завершить метафизику как учение и превратить ее в действие? Гегель уже один раз завершил мировую философию, и не в последнюю очередь с помощью придания термину «метафизика» нового смысла – «антидиалектики». Его последователи, как известно, пытались превратить философию в особого вида практику.

Возвращаясь к статье Карнапа, проведем два актуальных в настоящее время различия. Во-первых, общие задачи размежевания философии, науки и естественного языка следует отделить от постановки проблемы осмысленности утверждений на основе принципа верификации. Критерии осмысленности изменились, но проблема указанного различия осталась. Во-вторых, в статье Карнапа следует различать критику метафизику в целом и критику Хайдеггера. Сам Карнап полагал, видимо, что его критика Хайдеггера есть частный случай его критики метафизику вообще. Отчасти это верно, поскольку основным критерием различия осмысленных и неосмысленных утверждений он выбирает принцип верификации и относит его как к традиционной метафизике, так и к хайдеггеровской. Следует ли отсюда, что его критика Хайдеггера в этой статье была полностью ошибочной?

Такой вывод сделали авторы статьи, в которой они попытались преодолеть карнаповскую критику метафизику также средствами анализа языка³⁴. Авторы сетуют на то, что среди аналитиков отрицательное отношение к таким философам, как Хайдеггер, сохранилось, несмотря на отказ от верификационизма и т.д. Нужно ли это понимать так, что авторы хотят представить Хайдеггера в лучшем свете и добиться от коллег по аналитической философии признания метафизику Ничто?

Авторы не замечают того факта, что основной аргумент Карнапа против Хайдеггера не зависит от его приверженности принципу верификации. Основная претензия авторов статьи состоит в следующем: Карнап не прав, «поскольку он утверждает, что Хайдеггер смешивает кванторное и референциальное употребление»³⁵. Иначе говоря, если обойтись без современной терминологии, которой нет у Карнапа, Хайдеггер якобы смешивает функциональное значение слова с содержательным, т.е. ничто как местоимение, которое используется для отрицания в тех или иных выражениях, и Ничто как имя. Более того, авторы утверждают, хотя и косвенно, что Карнап не знал, что «ничто» употребляется и как имя: «Похоже, не Хайдеггер, а Карнап совершает ошибку, ибо и в естественном языке, как русском, так и английском, допускается употребление “ничто” в качестве имени»³⁶.

Прежде всего следует уточнить, что подразумевается под словом «смешивает». Хайдеггер ничего не смешивает, но вполне сознательно переходит от функционального значения слова, а затем от выделенного с помощью пунктуации того же слова уже с неопределенным, если угодно, «полукванторным» значением, к слову как имени. Карнап принимает во внимание только второй этап хайдеггеровских преобразований, когда функция nichts уже неоднозначна, но формально это слово остается все же функцией, кванторным словом. Однако он ясно показывает, что Хайдеггер нарушает правила

³⁴ Вострикова Е.В., Куслий П.С. Преодоление критических аргументов Карнапа против метафизику с помощью логического анализа естественного языка // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56. № 4. С. 78–98.

³⁵ Там же. С. 90.

³⁶ Там же. С. 92.

логической связи между утверждениями. Предположим, предлагает Карнап, что слово Ничто в хайдеггеровском вопросе и в таких выражениях, как «мы ищем Ничто» и т.д., имеет какое-то другое значение, пусть даже религиозное. В таком случае здесь не было бы никакой логической ошибки. Но это невозможно, так как в предыдущем предложении nichts употребляется в функциональном значении. Вывод Карнапа не подлежит сомнению с логической точки зрения. Отказ от верификационизма не означает отмену закона тождества. Местоимение dieses (это) в хайдеггеровском вопросе «как обстоит дело с этим Ничто?» указывает, что речь должна идти о том ничто, о котором речь шла ранее. Но ранее nichts играло функциональную роль, и, когда мы спрашиваем об *этом* Ничто, мы должны спрашивать о ничто в функциональном значении. Однако *это* Ничто оказывается уже именем объекта.

Хайдеггер вполне согласился бы с Карнапом, что логики здесь нет, но тем хуже для логики; естественный язык, а не логика ведет нас к метафизике. С этим тоже можно было бы отчасти согласиться, если при этом подразумевается действительно естественный язык, а не деформированный намеренно с помощью знаков препинания.

Однако не только с помощью знаков препинания можно соорудить метафизику. Наречия тоже можно пустить в дело и рискнуть тем самым стать большим хайдеггерянцем, чем сам Хайдеггер. Перестановка тире сопровождается появлением трех новых слов: nur (только), allein (исключительно) и einzig (единственно). Два из них (einzig и nur) фигурируют в одном из заключительных пассажей анализируемого текста: «Только (einzig) потому, что в основании человеческого бытия приоткрывается Ничто, отчуждающая странность сущего способна захватить нас в полной мере. Только (nur) когда нас теснит отчуждающая странность сущего, оно пробуждает в нас и вызывает к себе удивление. Только (nur) на основе удивления – т.е. открытости Ничто – возникает вопрос «почему?». Только (nur) благодаря возможности этого «почему?» как такового мы способны спрашивать целенаправленным образом об основаниях и обосновывать. Только (nur) благодаря нашей способности спрашивать и обосновывать для нашей экзистенции становится доступна судьба исследователя»³⁷.

К. Зиарек отметил единственность этого «einzig», в противовес четырехкратному повторению «только», а также то, что в переводах на английский и польский (из приведенной цитаты видно, что и на русский) это различие исчезает. Я полностью согласен с автором статьи, что при исследовании философских текстов, и особенно хайдеггеровских, необходимо обращать внимание не только на концепцию, или на смысл, но и на языковые средства, с помощью которых этот смысл выражен. Однако есть средства и средства. К. Зиарек ставит перед собой задачу исследовать, как он удачно выражается, «перформативные жесты» хайдеггеровского языка. В самом деле, данный текст претендует не столько на изложение метафизического учения, сколько на практическое осуществление метафизики в человеческой жизни: «Метафизика свершается в основе вот-здесь-бытия (Dasein). Она есть само вот-здесь-бытие»³⁸. Основной вопрос метафизики – это больше не вопрос о соотношении абстракций – духа, сознания, материи, идеи и т.д., но вопрос

³⁷ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 41 (немецкие слова добавлены мной. – В.М.).

³⁸ Heidegger M. Was ist Metaphysik? S. 122. (Ср.: Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 42.)

об открытии Ничто в «состоянии» страха, или «не-по-себе». Видимо, эманация суггестии достигает здесь отдельных слов, благодаря чему читатели и адепты пытаются иногда найти в них особый, онтологический смысл. В данном случае автор статьи ищет смысл и смысловые различия в наречиях *einzig* и *nur*: якобы слово *einzig* надделено более значительным смыслом, чем следующие за ним четыре *nur*. Автор делает отсюда вывод, что «различие между *einzig* и *nur* указывает, если использовать прежнюю хайдеггеровскую манеру выражаться, на различие между онтологическим и онтическим уровнем анализа»³⁹. Однако отдельные слова, тем более наречия, не обладают каким-либо «онтологическим» смыслом, как, впрочем, и любым другим. Кроме того, автор изменяет собственному принципу исследования: он апеллирует к терминам («онтологический», «онтический»), которые уже обладают значением, или смыслом, чтобы прояснить различие между языковыми средствами. В лучшем случае можно было бы сказать, что в первом тезисе речь идет о Ничто, а в остальных – о сущем. Однако и это не так, в чем легко можно убедиться. Легко также убедиться, что при перестановке тире первым стоит слово *nur*, а «онтологическое» *einzig* – на последнем месте. Варьируя наречия, Хайдеггер оттачивает стиль, признавая онтологический смысл единственно у Ничто.

Е.В. Вострикова и П.С. Куслий также вносят свой посильный вклад в метафизику слов, когда утверждают, что выражениям «Ничто случилось» и «Ничто вечно» можно при желании придать смысл, если, например, понимать «ничто» как некую субстанцию. Это приближает авторов к Хайдеггеру на рискованно близкое расстояние. Хайдеггер также лишает переносное значение слова необходимых знаков препинания, а именно кавычек, и получает из местоимения квазисубстанцию. Авторы забывают взять «ничто» в кавычки, чтобы придать выражению «субстанциальный» смысл: «“ничто” вечно». Можно даже и не брать ничто в кавычки, а предположить, что «Ничто вечно» – это запись кириллицей вполне осмысленного выражения на неизвестном нам языке, которое может означать все что угодно. Почти так и поступают авторы, пытаясь придать смысл слову «ничтить» (*nichten*): «Очевидно, что слово “ничтить” обладает интуитивным смыслом. Есть несколько возможных смыслов, которые доступны для носителя языка: “превращать в ничто”, “отрицать”, “добавлять немного ничего” (по аналогии с “солить”) и т.п.»⁴⁰. Очевидно, что авторы «ничтят» здесь русский язык, во всяком случае, не чтят его. Особенно впечатляет «добавить немного ничего»; итак, рецепт готов: «добавить немного ничто», и метафизику можно подавать к столу.

Авторы упускают проблему, ради которой Карнап ищет критерий осмысленности и критикует метафизику: проблему различия типов суждений и выражений. Если сочинить нечто аналогичное хайдеггеровскому: «электрон вечно электронствует» (уж этот электрон!), а «свет светит со скоростью светствования», то этим выражениям можно, вероятно, придать какой-то смысл, но вряд ли их можно отнести как к физике, так и к метафизике. Хайдеггер решает ту же задачу, что и Карнап: отделить метафизику от науки, но только другими средствами и с другими целями.

³⁹ Ziarek K. Event and Nothingness. P. 41.

⁴⁰ Вострикова Е.В., Куслий П.С. Указ. соч. С. 91.

Мораль всех этих «заковычек» будет неожиданной для читателя: что позволено авторам статьи и по отношению к ним, не позволено Хайдеггеру и по отношению к нему. То, что авторы статьи иногда не замечают отсутствия кавычек, иногда (но далеко не всегда) неверно истолковывают Карнапа, а также пытаются приблизить метафизику к кулинарии и т.д. – все это вполне устранимые недостатки. Статья носит научный характер, в ней действительно поставлены серьезные проблемы, и ее можно (и нужно) критиковать. Философские построения Канта и Хайдеггера критиковать невозможно, поскольку нельзя критиковать несуществующее: как можно критиковать соединение пустого со слепым и ничтоявствующим, или ничтыящее, если угодно, Ничто? Единственная возможность критики здесь – показать, «как это делается».

В отличие от авторов статьи «германский мастер» никогда не ошибается, сознательно опускает кавычки, вырабатывает недостижимо высокий стиль и пренебрегает программой Карнапа, которой авторы пытаются все же следовать. Явно не эта программа подталкивает авторов статьи к тому, чтобы оказать немецкому мыслителю помощь и придать смысл его «ничтоствованиям». Хайдеггер владел своим родным немецким языком намного лучше, чем авторы статьи владеют своим родным русским: «Можно привести и другой пример такого употребления отрицательных слов: “Он ушел с ничем”. В данном случае “с ничем” понимается как “с пустыми руками”»⁴¹. Вместо того чтобы дважды заменять известное выражение «ни с чем» выражением на «неизвестном языке» «с ничем», лучше было бы уже написать по-хайдеггеровски: «Он ушел с Ничто»; видимо, этому тоже можно придать какой-то смысл.

«Ничто», однако, ушло не с пустыми руками, захватив с собой не только множество своих, но и чужих, словопоклонников; оно не совсем еще сошло со сцены, хотя метафизика предпочитает теперь быть метафизикой фактичности и даже проникать во враждебный в прошлом – аналитический лагерь. Возможно, что аналитика метафизического языка откроет еще нераскрытые тайны такой переориентации.

Заключение

Метафизика Ничто скроена по образу и подобию традиционной метафизики как учения о сверхчувственных основах сущего, в данном случае – сущего опыта. Страх, даже беспричинный – это нечто человеческое, даже слишком человеческое. В этом опыте, однако, должно быть открыто нечто сверхчувственное, метачеловеческое, которое уже не есть нечто, но Ничто. Такая схема, при всей ее экстравагантности и апелляции к опыту, казалась бы уже безжизненной в XX в., в эпоху великих лингвистических поворотов. Теперь философ должен показать, сделать ощутимым само движение языка к такого рода метафизике. На этом пути уже не хватает метафор и привычных абстракций – идеи, духа, материи, разума, времени и т.д., – сочетанием которых жила метафизика начиная с Платона. Язык Ничто требует особых средств для того, чтобы ввести этот образ-и-термин, не говоря уже о том, чтобы привести его в действие.

⁴¹ Вострикова Е.В., Куслий П.С. Указ. соч. С. 91.

Карнап отчасти прав, когда указывает на мифологическое происхождение метафизики, но он не прав, когда сводит метафизику к плохой поэзии и плохой музыке. По крайней мере, это противоречит его же утверждению, что метафизика – это не наука, но выражение чувства жизни. «Плохая» поэзия, которая может и не знать никакой метафизики, вряд ли может быть выражением чувства жизни, это прерогатива только «хорошей» поэзии и музыки.

Миф о языке как самостоятельной силе не мешает философу в своей работе помогать языку правильно мыслить – деформировать устойчивые языковые обороты, в нужных местах расставлять тире и вовремя отказываться от кавычек. Отказ от субъективизма мог бы выразиться при этом в отказе от своего лингвистического, да и вообще от авторства: ведь философы (и поэты, с точки зрения таких философов) должны лишь предоставить языку самому расставлять знаки препинания.

Список литературы

- Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Преодоление критических аргументов Карнапа против метафизики с помощью логического анализа естественного языка // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56. № 4. С. 78–98.
- Кант И.* Опыт введения в философию отрицательных величин / Пер. с нем. Б.А. Фохта // *Кант И. Сочинения*: в 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 79–123.
- Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского // *Кант И. Сочинения*: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
- Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. с нем. А.В. Кезина // *Аналитическая философия: становление и развитие (антология)* / Сост. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-традиция, 1998. С. 69–89.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2 / Пер. с англ. В.Н. Садовского. М.: Культурная инициатива, 1992. 528 с.
- Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени / Пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 383 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
- Хайдеггер М.* Введение в метафизику / Пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 301 с.
- Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2013. 288 с.
- Comay R., Ruda F.* The Dash – The Other Side of Absolute Knowing. Cambridge (MA): MIT Press, 2018. 178 p.
- Carnap R.* Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache // *Erkenntnis*. 1931. No. 2. S. 219–241.
- Esparza Daniel R.* «Heidegger»: quotation marks in Sein und Zeit. URL: www.academia.edu/12650204/Heidegger_quotation_marks_in_Sein_und_Zeit (дата обращения: 21.02.2020).
- Fritsche J.* Historical Destiny and National Socialism in Heidegger's Being and Time. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1999. 356 p.
- Heidegger M.* Sein und Zeit. GA Bd. 2. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1977. 583 S.
- Heidegger M.* Was ist Metaphysik? // *Heidegger M. Wegmarken*. GA Bd. 9. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1996. S. 103–122.
- Heidegger M.* Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. GA Bd. 20. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1994. 447 S.
- Heidegger M.* Einführung in die Metaphysik. GA Bd. 40. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1983. 234 S.
- Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie. Buch I. Husserliana Bd. III/1. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. 476 S.
- Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Leipzig: Reclam, 1979. 1022 S.

- Nowak P. Nothingness and Absence // *Kronos. Philosophical Journal*. 2017. Vol. VII. P. 48–57.
- Sartre J.-P. L'etre et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943. 722 p.
- Ziarek K. Event and Nothingness // *Kronos. Philosophical Journal*. 2017. Vol. VII. P. 38–47.

The metaphysics of Nothing and punctuation marks: Heidegger, Kant, Carnap*

Victor I. Molchanov

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: victor.molchanov@gmail.com

The article discusses the language tools used by M. Heidegger when he turns the word “Nothing” into a basic term and concept of metaphysics. In his work “What is metaphysics?” three stages of transformation are distinguished: the first two of them are characterized by a permutation of the dash in German fixed expressions; the last stage involves a substitution of the direct meaning of the word for a figurative one. Heidegger’s thesis about the primacy of Nothing in relation to negation is critically analyzed. The method of introducing the concept of Nothing in Kant and Kant’s table of Nothing are discussed. A comparison of Kant’s and Heidegger’s strategies in the formation of the pseudo-concept of Nothing is made. Carnap’s criticism of Heidegger’s philosophy is considered as partially independent of his criticism of metaphysics as a whole.

Keywords: Nothing, negation, metaphysics, dash, quotation marks, language, Heidegger, Kant, Carnap

For citation: Molchanov, V. I. “Metafizika nichto i znaki prepiniyaniya: Khaidegger, Kant, Karnap” [Metaphysics of Nothing and punctuation marks: Heidegger, Kant, Carnap], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 3, pp. 5–22. (In Russian)

References

- Carnap, R. “Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache”, *Erkenntnis*, 1931, No. 2, S. 219–241.
- Carnap, R. “Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka” [Overcoming Metaphysics by Logical Analysis of Language], trans. by A.V. Kezin, *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytical Philosophy: Formation and Development (Anthology)], ed. by A.F. Griaznov. Moscow: Dom intellektual’noi knigi Publ.: Progress-traditsiya Publ., 1998, pp. 69–89. (In Russian)
- Comay, R. & Ruda, F. *The Dash – The Other Side of Absolute Knowing*. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 178 pp.
- Esparza Daniel, R. ‘Heidegger’: quotation marks in *Sein und Zeit* [www.academia.edu/12650204/Heidegger_quotation_marks_in_Sein_und_Zeit, accessed on 21.02.2020].
- Fritsche, J. *Historical Destiny and National Socialism in Heidegger’s Being and Time*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1999. 356 pp.
- Heidegger, M. *Sein und Zeit*. GA. Bd. 2. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1977. 583 S.
- Heidegger, M. *Einführung in die Metaphysik*. GA. Bd. 40. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1983. 234 S.
- Heidegger, M. *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*. GA. Bd. 20. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1994. 447 S.

* The reported study was funded by RFBR, project No. 20–011–00842 “Formation and Transformation of concepts in Phenomenological Philosophy. History of Terms and Discussions”.

- Heidegger, M. "Was ist Metaphysik?" in: M. Heidegger, *Wegmarken*. GA. Bd. 9. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1996, S. 103–122.
- Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time], trans. by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 451 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the history of the concept of time], trans. by E.V. Borisov. Tomsk: Vodolei Publ., 1998. 383 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to Metaphysics], trans. by N.O. Guchinskaia. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 1998. 301 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?], trans. by V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2013. 288 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie*, Buch I. Husserliana Bd. III/1. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. 476 S.
- Kant, I. "Opyt vvedeniya v filosofiyu otritsatel'nykh velichin" [The experience of introducing negative quantities into philosophy], trans. by B.A. Focht, in: I. Kant, *Sochineniya* [Collected works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1964, pp. 79–123. (In Russian)
- Kant, I. *Kritik der reinen Vernunft*. Leipzig: Reclam, 1979. 1022 S.
- Kant, I. "Kritika chistogo razuma" [Critique of Pure Reason], trans. by N.O. Losskii, in: I. Kant, *Sochineniya* [Collected works], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1964. 799 pp. (In Russian)
- Nowak, P. "Nothingness and Absence", *Kronos. Philosophical Journal*, 2017, Vol. VII, pp. 48–57.
- Popper, K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies], Vol. 2, trans. by V.N. Sadowskii. Moscow: Kul'turnaya initsiativa Publ., 1992. 528 pp. (In Russian)
- Sartre, J.-P. *L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique*. Paris: Gallimard, 1943. 722 pp.
- Vostrikova, E.V. & Kuslii, P.S. "Preodolenie kriticheskikh argumentov Karnapa protiv metafiziki s pomoshch'yu logicheskogo analiza estestvennogo yazyka" [Overcoming Carnap's critical arguments against metaphysics using the logical analysis of natural language], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, Vol. 56, No. 4, pp. 78–98. (In Russian)
- Ziarek, K. "Event and Nothingness", *Kronos. Philosophical Journal*, 2017, Vol. VII, pp. 38–47.